

1) б. Троицкой лавры № 805 (Сборник в 4-ку, XVII в., л. 191 об. — 192: Чудо свв. чудотворецъ и безсребренникъ Козмы и Даміана о братчинѣ, иже въ Корсунѣ градѣ), 2) б. Вострякова (Истор. Муз. в Москве) № 1012 (сборн. в 4-ку, л. 147—148 об.), 3) Общ. Ист. и Древн. (в Москве) № 453 (сборн. в 4-ку, л. 371 об.) — оба XVIII в.; 4) Собр. П. И. Щукина (Ист. Муз.) № 603, XVII в. (л. 91—92). За отдельное существование «корсунского» чуда говорит не только разница в стиле между ним и прочими чудесами, но и самое содержание рассказа, мало вяжущееся с Житием и чудесами при нем, как они читаются в переводном тексте.¹

Все эти соображения, как видим, ведут к весьма правдоподобному представлению о «Чуде Козмы и Дамиана в Корсунѣ», как о памятнике первоначально независимом по своему возникновению от охарактеризованного только что комплекса, объединяющемся с ним только именами лиц, которым приписывается это чудо; только позднее «корсунское» чудо стало входить, и то далеко не всегда, в состав этого комплекса. В виду этого мы получаем право рассматривать «Чудо в Корсунѣ», как произведение самостоятельное, имевшее свою литературную историю.

Первый факт из этой истории, который мы можем получить из сказанного выше, это — то, что по времени своего возникновения «корсунское» чудо не может счестся моложе XV века: оно включено уже в середине этого века в состав Четвѣй Минеи (такова до-макарьевская Минея Моск. Дух. Акад. № 592, XV—XVI в.); но возможно время его возникновения отодвинуть, на первый раз, и несколько далее: а самое помещение этого «Чуда» в такой авторитетный и важный по значению в глазах людей XV века сборник, каким были Минеи, может

¹ Перевод Жития и двенадцати чудес — тяжелый, темный, сбивчивый в изложении, вообще неискusstный, скорее всего, первоначально, как было упомянуто, югославянский, насколько можно судить по его лексике даже в русских списках, — в «корсунском» чуде язык простой, ясный, в синтаксическом отношении очень не сложный, с явными руссизмами (обчина, гостиный, складба, складный, попинъ). Тогда как чудеса греческого текста все — «врачевального» характера (что находится в полном соответствии с самим житием врачей-бездмдников), наше чудо говорит о превращении воды в сладкий мед на веселой пирушке по случаю праздника и ничем, кроме имен, не связано с житием и чудесами святых врачей.